

На правах рукописи

Ворохобов Александр Владимирович

**РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КАРЛА БАРТА
И РУДОЛЬФА БУЛЬТМАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.13 – религиоведение, философская антропология,
философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Нижний Новгород - 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Нижегородский государственный педагогический университет» на кафедре философии

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Шапошников Лев Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Кондратьев Виктор Юрьевич

кандидат философских наук
Семикопов Даниил Викторович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Нижегородский
государственный лингвистический
университет им. Н.А.Добролюбова»

Защита состоится 12 ноября 2009 года в 14 часов на заседании
Диссертационного совета по философским наукам Д 212.164.03 при
Нижегородском государственном педагогическом университете по адресу:
603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского
государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещен на сайте ГОУ ВПО «Нижегородский
государственный педагогический университет»: www.nnspu.ru

Автореферат разослан 9 октября 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000642745

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат философских наук,

доцент..... И. А. Федотова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Религия и философия являются мировоззренческими феноменами, только в них создаются и сохраняются целостные картины мира, формулируются и разрабатываются фундаментальные гносеологические проблемы, решается вопрос о смысле человеческой жизни. Весь остальной массив гуманитарного знания так или иначе связан с религией и философией, ориентируется на религиозные и (или) философские мировоззренческие парадигмы, учитывает наиболее значимые из них. Исходя из этого, можно утверждать, что творчество выдающихся христианских мыслителей Карла Фрица Барта (1886-1968) и Рудольфа Карла Бультмана (1884-1976), которое содержит и религиозный, и философский подходы, актуально в системе целостного гуманитарного знания.

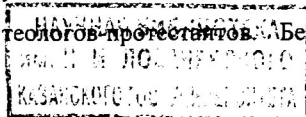
Двадцатый век характеризуется кризисными тенденциями духовного состояния человечества, которое явственно осознало одномерность и недостаточность сложившегося потребительского общества. Не все одинаково истолковали этот звучащий изнутри истории голос, но можно сказать, что доминирующей тенденцией в культуре второй половины XX – начала XXI века, было и является осуждение человека, недоверие к нему – к его познавательным, моральным, творческим способностям. Имеет ли человек оправдание своего бытия? Есть ли смысл человеческого существования? В контексте современной ситуации может оказаться плодотворным осмысление творческого наследия Барта и Бультмана, поскольку они одними из первых, еще в начале прошлого века, сразу после Первой мировой войны, заметили и отреагировали на ситуацию кризиса в тогдашней европейской культуре.

Религиозно-философские представления этих западноевропейских теологов вот уже почти девяносто лет вызывают исследовательский интерес самой широкой научной общественности. В истории западной теологии и

философии Барт и Бультман являются ключевыми фигурами, так как начальный период их творчества приходится на один из переломных этапов в развитии религиозно-философской мысли Запада, а сами теологи своими произведениями ревизионировали сложившиеся в XIX в. основы и методы западной религиозной философии, сформулировав, заострив и переосмыслив ее основные проблемы. Своим творчеством Барт и Бультман в некотором смысле предопределили судьбу всей протестантской философии XX в.

Начало теологической неореформации было положено К. Бартом в условиях тотального кризиса культуры первой четверти XX в. Вместе с двумя такими же молодыми, как он сам, теологами Э. Турнейзенем и Ф. Гогартеном К. Барт выдвинул религиозно-философскую доктрину, содержащую оригинальную трактовку ряда основных теологических проблем, отличающуюся от традиционных подходов господствовавшей в протестантизме либеральной теологии. Новое направление более чем на сорок лет стало доминирующей доктриной протестантизма, а его основатель по праву считается одним из реформаторов христианской философии. К «теологическому мятежу» вскоре примкнули многочисленные ученые как реформаторского, так и лютеранского направлений. Был среди них и Р. Бультман. Возникнув в Швейцарии и Германии, неоортодоксия распространилась в США, и приобрела, таким образом, международное влияние, будучи представленной двумя основными теологическими течениями: позитивистским, где наиболее значимой фигурой стал сам Барт, и экзистенциалистским, где тон задавал Бультман. Барт и Бультман стали одними из крупнейших религиозных мыслителей современности, им посвящаются конференции и ассамблеи, а в зарубежной литературе в их адрес встречаются чрезвычайно восторженные отзывы.

Неоортодоксальная эволюция протестантизма получила широкий резонанс в западном мире. Необходимо учесть и то, что Барт и Бультман, занимаясь учебно-педагогической деятельностью, воспитали не одно поколение теологов-протестантов. Без четкого понимания религиозно-

философской специфики взглядов этих мыслителей, невозможно ориентироваться в той полемике, которая развернулась вокруг протестантской неоортодоксии. Кроме того, неоортодоксия характеризует не просто школу или направление в протестантской теологии, а является выражением сущности третьего после Лютера этапа истории протестантизма, этапа, в котором осуществился ренессанс «отцов Реформации» или сформировалась евангелическая теология XX века.

Степень теоретической разработанности темы. На Западе в настоящее время изобилует литература (как теологическая, так и философская), посвященная анализу наследия К. Барта и Р. Бульмана. В этой литературе воззрения главных представителей неоортодоксии сопоставляются не только с мнениями различных теологов, но и с философскими системами наиболее значимых представителей классического идеализма и современного экзистенциализма, таких, как Кант, Шеллинг, Фихте, Гегель, Хайдеггер, Ясперс, Камю, Сартр и Марсель. Примечательно, что обширная библиография по творчеству Барта и Бульмана, насчитывающая не одну сотню наименований, практически не включает монографий, где последовательно и систематично сопоставлялись бы религиозно-философские взгляды этих представителей диалектической теологии. Среди авторов, которые отчасти реализуют эту задачу, особого внимания заслуживают Г. Фрис и Й. Диркен. Среди корпуса зарубежной философско-теологической литературы, так или иначе посвященной рассматриваемой проблематике, своей основательностью выделяются исследования Г. У. фон Балтазара, В. Шмитхальса, О. Вебера, Г. Боркнама, Е. Буша, Г. К. Беркоувера, М. Эванга, У. Басланда.

В России до начала 1990-х годов не было издано ни одного произведения Барта и Бульмана. В советский период исследованием трудов К. Барта занимались архиепископ Гермоген (Кожин), игумен Александр (Лехно), А. Старобельцев, А. Казем-Бек, В. И. Гараджа. В постсоветские годы в рамках православного духовно-академического направления была

выполнена кандидатская диссертация священника Дмитрия Дворникова «Диалектическая теология Карла Барта», защищенная в Московской Духовной Академии в 1998 году. Из современных исследователей К. Барта следует также отметить священника Сергея Лепина, О. В. Вязовскую, К. А. Махлака, В. В. Федорова и В. Н. Васечко.

В СССР о Бульмане знали не очень много. О нем не было специальных статей ни в церковных, ни в светских изданиях. Советский читатель мог узнать о знаменитом теологе лишь по разбросанным критическим пассажам, содержащимся в исследованиях по «буржуазной философии». Среди авторов, которые касались творчества Бульмана, можно выделить Д. М. Угриновича, М. К. Трофимову, Г. А. Габинского, В. И. Гараджу. Из работ, написанных в постсоветский период, можно отметить труды С. В. Лезова, Т. П. Лифинцевой, П. Гуревича, С. С. Аверинцева. Наиболее подробно герменевтические и методологические аспекты творчества Бульмана рассмотрены в диссертациях А. Ю. Миронова «Герменевтические предпосылки теологии Р. Бульмана» (1998 г.) и В. Е. Лобаева «Экзистенциальная теология Рудольфа Бульмана» (2000 г.).

Таким образом, учитывая наличие сравнительно небольшого объема исследовательских работ на русском языке, религиозно-философский дискурс К. Барта и Р. Бульмана все еще продолжает оставаться недостаточно изученным феноменом в отечественной философской науке.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования – осуществить реконструкцию и экспликацию основных аспектов религиозно-философских взглядов К. Барта и Р. Бульмана и произвести их сравнительный анализ.

Поставленная цель обусловила решение следующих научно-исследовательских задач:

1. Выявить исторические, идейные и социальные источники религиозной философии Барта и Бульмана.

2. Раскрыть специфику и методологию религиозно-философского мышления theologов и произвести сравнительный анализ их взглядов.
3. Проанализировать содержание и значение концепции Абсолюта в творчестве Барта и Бульмана с позиций гносеологии и онтологии.
4. В контексте христологии theologов реконструировать их «ревизионистскую» сотериологию и исследовать основные категории их религиозной антропологии.
5. Показать место идейного наследия Барта и Бульмана в современной протестантской мысли.

Объект исследования – идейное наследие К. Барта и Р. Бульмана.

Предметом исследования является религиозно-философская составляющая творчества Барта и Бульмана в компаративистском аспекте.

Методология и источники исследования. Для достижения поставленных задач используются генетический и сравнительно-исторический научно-исследовательские методы, а также общенаучные приемы познания: анализ, обобщение, аналогия, гипотеза, дедукция, моделирование.

Научная новизна исследования выражается в следующем:

1. Впервые в отечественной философии осуществлено систематическое рассмотрение и сопоставление основных религиозно-философских позиций К. Барта и Р. Бульмана.
2. Раскрыто своеобразие методологических оснований theologического дискурса Барта и Бульмана.
3. Впервые идейное наследие К. Барта и Р. Бульмана рассматривается с позиции эпистемологического и онтологического анализа, в котором центральное место отводится тем идеям и разработкам мыслителей, которые концентрируются вокруг одной из основных философских проблем, а именно проблемы Абсолюта.

4. Рассмотрены антропологические представления К. Барта и Р. Бульмана как структурные элементы их религиозно-философских позиций.
5. Определено место Барта и Бульмана в системе современной протестантской теологии.
6. Представлены и введены в научный оборот основополагающие труды о Барте и Бульмане, изданные на иностранных языках.

Положения, выносимые на защиту:

1. Глубокий кризис западноевропейской культуры вообще, и концептуальные противоречия либеральной религиозно-философской мысли, в частности, оказали решающее влияние на формирование учения К. Барта и Р. Бульмана.
2. В своих герменевтических концепциях и Барт, и Бульман являют синтез «либерального» и «ортодоксального» направлений в экзегезе сакральных текстов. Однако герменевтика Барта, подчеркивая экзистенциальную значимость информации, более онтологична и укоренена в истории, тогда как для Бульмана история не представляет большого интереса, поскольку значимой для него является исключительно конкретная верующая экзистенция.
3. Религиозно-философская эпистемология обоих мыслителей – яркий пример актуалистического подхода, хотя у Барта он представлен в аналогической форме, а у Бульмана имеет отношение исключительно к экзистентной области.
4. В концепции Абсолюта Барт и Бульман являются представителями реалистической традиции, выступая в процессе теологической работы в полемической оппозиции к мифологии и метафизике. Однако, если Барта, в первую очередь, интересует божественная онтология, то Бульман сосредоточен на экзистенциальной герменевтике божественного.

5. Христология и сотериология мыслителей, являясь оригинальными по форме и содержанию, позволяют выявить антропологические установки теологов. Мышление Барта, сосредотачиваясь на сотериологической деятельности Абсолюта и постулируя пассивность человека, в целом, может быть расценено как антропологически-пессимистическое, а экзистенциалистский подход Бульмана, имеющий дело с феноменом конкретного Dasein, несмотря на пессимистическую окраску некоторых своих положений, все же представляется оптимистичным, поскольку индивидуальная экзистенция в контексте «веры» всегда имеет возможность выбора и самоконструирования.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материалы данной работы могут оказаться полезными для анализа протестантской неоортодоксии в целом. Тем более что в настоящее время число таких материалов в отечественной философии невелико. Поэтому настоящая работа может способствовать более углубленному представлению о деятельности целого ряда выдающихся протестантских мыслителей XX в. Содержащийся в диссертации анализ помогает также уточнить специфику основных христианских конфессий при решении ими религиозно-философских проблем.

Результаты исследования могут быть полезны в учебной практике при разработке общих курсов по истории зарубежной философии, а также спецкурсов по религиозному экзистенциализму и протестантской неоортодоксии.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждены и одобрены на кафедре философии НГПУ.

Данное исследование и его основные положения апробированы в публикациях автора и в выступлениях на международных и всероссийских научных конференциях и семинарах: «Богословское наследие Святейшего Патриарха Сергия (Страгородского) в контексте истории русской

религиозной мысли в XX веке» (Нижний Новгород, 2008), «Библейско-этическое учение и современный мир» (Смоленск, 2008), «Свобода, права и достоинства человека XVIII рождественские православно-философские чтения» (Нижний Новгород, 2009), «Актуальные проблемы философии права и государства» (Нижний Новгород, 2009).

Диссертантом опубликовано шесть работ по теме данного исследования, в том числе одна из них по списку ВАК.

Структура исследования. Структура настоящей работы, в основном, соответствует порядку предложенных для рассмотрения задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, которая включает 261 работу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дано обоснование актуальности диссертационного исследования, проанализировано состояние разработанности темы в отечественных и зарубежных публикациях, определен объект и предмет исследования, сформулированы цель и основные задачи, указаны методологические основания исследования, оценена его научная новизна, изложены положения, выносимые на защиту, приведены сведения о практической значимости работы и степени апробированности основных результатов исследования.

Первая глава «Теоретические основоположения религиозно-философских взглядов Карла Барта и Рудольфа Бульмана» посвящена рассмотрению истории формирования религиозно-философских взглядов К. Барта и Р. Бульмана в контексте эволюции западноевропейского протестантизма и тотального кризиса культуры первой четверти XX в. Особое внимание уделяется филиации идей и собственному новаторству рассматриваемых мыслителей. Кроме того, здесь рассматриваются основы герменевтической методологии Барта и Бульмана.

В разделе I.1. «Социальные и идейные предпосылки возникновения неоортодоксии К. Барта и Р. Бульмана» реконструируются социальные и идейные предпосылки возникновения самобытных воззрений Барта и Бульмана. Возникновение неоортодоксии К. Барта и Р. Бульмана в первой четверти XX в. – это стремление реставрировать ортодоксальное христианство в эпоху, когда обнаруживается крах просветительских общественных установок. Речь идет о кризисе самого человека, как живой реальности, и кризисе рационального знания о нем. Отсюда трагическое осмысление исторического опыта человечества, кристаллизующее дух не только нашей эпохи, но и Библии, авторитет которой в значительной мере был принижен либеральными теологами. Так возникла мощная фундаменталистская тяга к самодостаточной и аутентичной христианской традиции. И для Барта, и для Бульмана, в целом, реализация этой установки базируется на экзистенциалистской (С. Кьеркегор) и неокантианской платформах (В. Герман, Г. Коген, П. Натоп), хотя в дальнейшем методология мыслителей становится различной. Если Барт в процессе построения теологического дискурса стремится дистанцироваться от секулярной философии (ориентируясь на труды Ансельма Кентерберийского, Лютера и Кальвина), то Бульман, напротив, вполне охотно использует методы и терминологию экзистенциализма (прежде всего, в его хайдеггеровской форме).

В разделе I.2. «Основные герменевтические принципы теологии К. Барта и Р. Бульмана» представлена реконструкция герменевтической методологии Барта и Бульмана. Оба мыслителя, будучи представителями реформаторской традиции, в осмыслении реалий христианства всегда исходили из сакрального библейского текста.

К. Барт рассматривает сакральный текст как свидетельство. Теолог считает, что библейский текст никогда не может быть отделен от Откровения Бога, но, одновременно, он никогда не может идентифицироваться с Откровением. Библейские тексты исторически относительны и как таковые

подлежат историческому, культурологическому и лингвистическому изучению. Теолог, говоря о важности человеческого компонента в Библии, на этом основании утверждает возможность гипотетических ошибок в ее текстах. Возможность понимания Библии намного превосходит просто интерпретацию, она подразумевает толкователя, воздействующего на текст и творчески обнаруживающего его смысл. Такая работа вовлекает интерпретатора в сферу того, к чему обращается не он сам, а текст. В случае Библии – это активно действующая реальность Бога, ведь Библия – его Слово. Для адекватного восприятия сакрального текста необходимо «творческое подчинение» этому тексту. Задача интерпретации состоит не в том, чтобы рассматривать сакральный текст как предмет исследования, а в том, чтобы быть «захваченным» этим предметом – Откровением Бога. Сюжеты Библии не являются, согласно К. Барту, прямыми источниками догматической рефлексии. В «Церковной догматике» изложение базируется на теологико-этическом принципе, а не на экзегезе.

Р. Бультман в научной интерпретации библейского текста, в целом, следует историко-критическому методу, усвоенному им из либеральной теологии. Библейский текст, как и любой другой текст древности, должен быть исследован с точки зрения его исторической формы, что совсем не исключает для интерпретатора восприятия его как Слова Бога. Целью любых научных попыток понимания текста является «объективное» постижение сингулярного исторического Dasein. Что касается собственно герменевтики, Бультман известен, прежде всего, как автор так называемой программы демифологизации. Интерпретационное измерение работы Р. Бультмана состоит из теории и философии интерпретации сакрального текста. Демифологизация должна стать предварительным условием приятия мифологии Нового Завета с целью дать иное толкование и вновь актуализировать древнее провозвестие Евангелия, смещая акценты с историчности к экзистенциальной значимости. Такой процесс является не чем иным, как методом герменевтики, позволяющим Откровению быть

актуальным «здесь и сейчас» и обнаруживающим соотнесенность конкретной экзистенции с тем, о чем говорится.

К. Барт в своей экзегезе более онтологичен, подчеркивая историческую значимость для реалий современной христианской теологии деяний Бога в истории. Экзистенциальное толкование, используемое Р. Бультманом, напротив, вытесняет основополагающие данности исторического христианства, ведь для него важна не история, а лишь внутренняя субъективная вера. И К. Барт, и Р. Бультман пытаются сделать библейское послание значимым для современного человека, но делают это разными способами. Для К. Барта форма провозвестия представляется не столь важной, как его содержание, соприкоснувшись с которым через веру, человек становится причастным Богу в его деяниях. Что касается Р. Бульмана, он использует для актуализации библейской вести экзистенциальную интерпретацию, призванную переосмыслить мифическое мировоззрение сакрального текста. Однако это кажется проблематичным для К. Барта, поскольку без исторического наполнения вера становится чем-то аморфным и неопределимым.

Вторая глава «Религиозно-философское учение об Абсолюте» посвящена рассмотрению бартианской и бультмановской концепции Бога и способов его постижения человеком.

В разделе II.1. «Религиозная гносеология: концепция Откровения как средства познания Абсолюта» излагаются религиозно-философские эпистемологические концепции Барта и Бульмана. Оба мыслителя в вопросе о гносеологическом статусе Откровения ориентированы, прежде всего, на актуалистическое понимание этого явления. Такой подход отличается от либеральной теологии и связанной с ней философии религии, где Откровение рассматривалось как «созерцание универсума», вдохновение и «сверхъестественное» религиозное чувство (Ф. Шлейермахер), всеобщая «религиозная интуиция» (Э. Трельч), осознание Божества в своем духе (Д. Ф. Штраус). Отличен он и от позиции Канта, считавшего, что Откровение может

включать в себя чистую религию разума, а религия разума, не может содержать в себе историческое содержание Откровения. Чужд Барту и Бульману и пантеистический панлогизм Гегеля, когда абсолютный дух вечно и разнообразно открывается в разнообразных видах (в природе, в человеческом духе, в истории человечества), приходя в человеке к самосознанию. И Барт, и Бульман подчеркивают, что Откровение не некая бесконечная истина, идея или доктрина. Это также не означает, что оно является определенного вида «сверхъестественной» природой или экзистенцией. Откровение всегда превосходит любой акт, поскольку оно есть деятельность и действие личностного трансцендентного Бога.

Кроме того, и К. Барт и Р. Бульман одинаково смотрят на характер Откровения, воспринимаемого ими как актуализация бытийственной мощи и власти его совершителя. Безотносительно к тому, что происходит в Откровении, что Бог совершает и доносит, это всегда имеет отношение к человеку, то есть происходит «для него». Слово Божие никогда не является теоретическим словом, а скорее адресом, обращением. Слово требует решения и принципиального ответа.

Оба теолога подчеркивают актуалистичный характер Откровения Абсолюта. Такое акцентирование наличествует в любой работе данных мыслителей. Осмысление Бартом Откровения эволюционировало от диалектического к актуалистически-аналогическому и, в целом, было сосредоточено не на понимании бытия, а на событии случая. Р. Бульманом этот актуализм Откровения, который, к тому же был усилен в его осмыслении диалектической теологии, был применен еще более радикально, когда теолог поместил его в исключительно экзистентную область.

Барт, в вопросе об Откровении, последовательно отвергает естественную теологию и на место *analogia entis* ставит *analogia fidei*, *analogia relationis*. В противостоянии ложной *theologia naturalis*, в которой католицизм сходится с современным протестантизмом, мыслитель критикует любую систему, рассматривающую Откровение Божие отдельно от

христологического и триадологического контекстов. Диалектика Откровения состоит в том, что оно соединяет взаимоисключающие величины: Бога и человека, время и вечность. Откровение в Иисусе Христе открывает Бога именно как неизвестного Бога, и как раз в этом заключается кризис, суд над всем человеческим.

Бульман еще более решительно, чем Барт, отклоняет любые попытки рационализации Откровения. Если Откровение возвращает человека к его внутренней сути, к существованию как рискованному выбору, то невозможно, следуя либеральной теологии, утверждать, что Откровение может быть подтверждено с помощью исторических, психологических и любых других эмпирических способов. Откровение указывает на пропасть между Богом и человеком. Христианин не может иметь никаких «внешних» гарантий своей веры.

Однако, имея много общего в доктрине Откровения, акценты у Барта и Бульмана расставлены неодинаково. Для Бульмана суждения веры – не ставшие доступными божественные объективные истины, но человеческий ответ Божественному адресату. Для Барта Откровение характеризуется как деяние Божие «для нас», чтобы «ухватить» показанные Богом истины. В бартианской концепции Откровения акцент делается на Божественной стороне, в то время как Бульман подчеркивает человеческий ответ на Божественное Откровение.

В разделе II.2. «Бытие Бога как любящего в свободе (К. Барт) и бытие Бога как экзистенциально-антропологический вопрос (Р. Бульман)» выявлено, что в вопросе об Абсолюте оба мыслителя являются представителями реалистического направления. Согласно Барту, попытка ответить на «экзистенциальный» вопрос о том, что значит то, что Бог есть, или «эссенциальный» вопрос, каков этот Бог «в себе», предполагает обращение к деятельности Бога в его Откровении. Барт считает, что теология должна говорить не просто о Боге вообще, но лишь о личностном троичном Боге и его природе, сущностными характеристиками которой являются

самосущность, самодвижимость, любовь и свобода. Для теолога действие Абсолюта *ad extra* идентично его *opera ad intra*.

В отличие от К. Барта, Р. Бульман сосредотачивается на герменевтике, а не на онтологии; то есть он озабочен тем, как люди интерпретируют Откровение, а не тем, кем является Бог «сам в себе». Взгляд Бульмана относительно знания о Боге – типичный образец религиозно-философского кантианского ограничения. Дихотомия между теоретическим и практическим разумом отражена в посткантианской дуальности природы и ума, науки и теологии, мышления и существования. Эта диалектическая особенность наличествует не только у Бульмана, но и у Барта (хотя и в «смягченном виде»), что выражается в их настойчивом отстаивании инаковости Бога. Оба мыслителя здесь зависимы от марбургского неокантианства Г. Когена и П. Наторпа. Трещина между независимой от мышления действительностью Бога и рациональными представлениями этой божественной реальности в системе Бульмана постулируется как требование онтологического реализма, соединенного с эпистемологическим антиреализмом. Человек неспособен сравнить свои образы Бога с истинным независимым от мышления божественным *esse*. Религиозный язык с его символами, мифами и аналогиями не обязательно соответствует самому Абсолюту. Но Бульман все же считает, что язык может выразить что-то из реальности, отличной от лингвистических утверждений. Эта действительность может быть выраженной в экзистенциальном дискурсе. Как утверждение относительно трансцендентной действительности, слова и образы могут соотноситься с этой реальностью, даже если человек не в состоянии убедиться, способна ли его речь сделать это адекватно. Что касается Барта, мыслитель, стремясь преодолеть кантианское ограничение, в период «зрелой» фазы своего творчества считает, что сфера «теоретического разума» человека присваивается и без сущностного изменения трансформируется Богом, что делает возможным адекватное знание об Абсолюте. Если Бог – тезис, а человек – антитезис, то Святой Дух может

быть представлен синтезом, «снимающим» возникающую диалектическую напряженность и обеспечивающим когнитивную достоверность.

Теологическое единство между двумя мыслителями становится ясным в том, что бартианская доктрина Троицы, действующей в истории, и бульмановский экзистенциальный анализ идеи Абсолюта исходят из того, что Бог является «нашим Богом». Оба мыслителя в процессе теологической работы выступают в полемической оппозиции к мифологии и метафизике, поскольку здесь Абсолют объективируется – превращается в объект контроля человеческого сознания. Согласно Р. Бульману, миф и метафизика говорят о Боге в категориях не качественного, но количественного отличия. Оба мыслителя едины в том, что нельзя говорить о Боге на основании профанных феноменов мира, поскольку он «совершенно иной». Согласны они и в том, что Бог становится известным через керигму – Слово Божие, которое должно быть всегда актуальным в разных исторических контекстах.

Что касается различия, оно может быть замечено в факте, что К. Барт считает бытие Бога как объекта в его Откровении вторичной объективностью, а его бытие в «самом себе» первичной объективностью, делающей возможной вторичную объективность, тогда как Р. Бульман полагает, что вопрос возможности Откровения Абсолюта (которое утверждено в Боге), неприемлем для христианства. Для К. Барта вопрос божественной онтологии необходим на основании Откровения. Для Р. Бульмана божественная онтология (выраженная на языке понятий) – всегда объективизация Бога. Отправная позиция Бульмана состоит в том, что человек знает Бога постольку, поскольку он его касается, поскольку Абсолют сталкивается с человеком в Откровении. Если Бог реально превосходит любую человеческую речь о нем, то рассуждения о Боге «в себе» неизбежно становятся рассуждениями о человеке, а это метафизика и мифология. К. Барт аналогично отвергает онтологию как систему, способную включить в себя Бога. Но он убежден, что теологическая работа должна быть онтологичной, поскольку этого требует Откровение. К. Барт не стремится

понять Откровение через вопросы о трансцендентном. Скорее, он пытается ставить вопросы исходя из события Откровения. Но для мыслителя антропологическая уместность теологических заявлений – не критерий их правильности. Таким критерием для К. Барта представляется гарантия свободы предмета Откровения. Для Р. Бульмана, напротив, антропологическая уместность теологических утверждений – критерий их истинности.

Третья глава «Сотериология как развитие тринитарной теологии (К. Барт) и как функция для веры (Р. Бульман)» посвящена выяснению сотериологической проблематики мыслителей.

В разделе III.1. «Сотериологическая значимость Иисуса Христа в качестве самооткровения Бога (К. Барт) и экзистенциального обращения (Р. Бульман)» в сотериологическом контексте реконструируются основы христологии теологов. Согласно Барту, христологические мотивы охватывают любые высказывания теологии и придают ее содержанию надлежащий характер. В христианской гносеологии все указывает на Христа и через него получает свою значимость и смысл. Решающее значение для закладки основ христологии, по К. Барту, имеет внутритринитарное бытие Бога. Согласно принципу *analogia relationis*, бытие Бога «в себе» находится в соответствующем четком отношении к его историческому «предметному» Откровению в Иисусе Христе. Абсолютный приоритет Бога в деятельности Откровения через Иисуса Христа указывает на то, что человек здесь не активен, активен лишь Бог. Теолог считает нужным говорить о вечном Божием избрании человека, то есть о предопределении. Воля к заключению завета и решение об избрании принадлежат вечному бытию Бога и осуществляются в нем, в то время как в Иисусе Христе дан ответ человека как партнера по завету. Антропология здесь глубочайшим образом зависима от христологии. Поскольку Христос экзистирует как истинный Бог и истинный человек, он становится способным осуществить примирение Бога и человека. В любом случае, его дела

соответствуют его личности, так что, в случае К. Барта, учение о двух природах дифференцированным образом дополняется учением о двух состояниях (уничтожение – возвышение) и достигает своего завершения в диалектическом единстве этих двух форм проявления. Эти две перспективы становятся «сердцевиной» всей бартианской христологии. Такой теологический подход «сверху вниз» хотя и позволяет сохранить в неприкосновенности суверенитет Абсолюта, но при этом нивелирует участие человека. Перед лицом приоритета деятельности Бога человек остается обреченным на бездеятельность и пассивность. Подобно тому, как во Христе нет никакой реальной самостоятельной человеческой природы, и она никогда не есть «субъект», так и человек получает любую инициативность от Бога.

Р. Бульман исходит из иных посылок изложения христологической проблематики. Согласно движению мысли теолога, христология должна превосходить любые дидактические и конкретные высказывания для того, чтобы событие Христа могло обладать актуальным экзистенциальным значением. Лишь в этом случае христология полностью соответствует своим задачам. Вне контекста веры лишь отчасти можно что-либо говорить о христологии. Бульман уклоняется от исторических и так называемых объективирующе-конкретизирующих вопросов, что представляется проявлением более общей герменевтической программы демифологизации текста Библии. Эти общие тенденции теологии Р. Бульмана открывают подоплеку и важнейшие перспективы христологического мышления теолога, которые в сжатом виде могут быть представлены следующим образом: 1. Для веры важна лишь сотериологически значимая керигма о Иисусе Христе, а не его историческая личность, выдвигаемая на передний план только в случае ложного историко-объективирующего мышления, которое не может быть объединено с верой. 2. Содержащиеся в керигме мифологические христологические высказывания могут быть заново осмыслены и поняты в их конкретной значимости путем демифологизации, осуществляющимся под эмблемой экзистенциальной интерпретации. 3. Значение Иисуса Христа

может быть установлено лишь через веру, а любые другие пути неизбежно уводят от Иисуса. Обращение к чему-то еще кроме керигмы делает явными греховные попытки человека обойтись без веры и установить на ее место объективную достоверность. Исходя из этого, христология Р. Бульмана может быть квалифицирована как «экзистенциальное обращение».

В разделе III.2. «Антропологическое измерение сотериологии: концепция освящения в теологии К. Барта и доктрина экзистенциальной подлинности в творчестве Р. Бульмана» рассматривается сотериология мыслителей в ее антропологической перспективе.

Концепция освящения как преобразования, отвращения от греха и обращения к Богу, является особенно важной для доктрины Барта. Именно в этом преобразовании человек трансформирован и сделан настоящим партнером Завета с Богом, и это изменение для Барта – не просто внешняя перемена; это – творение новой жизни. Бог действует внутри человека, и именно там происходит освобождение человека. В мышлении Барта между освящением и оправданием существует тесная связь. Эти два акта находят свое единство в феномене веры. Несмотря на действительно субъективный характер освящения, поскольку оно полностью ориентировано вниз к человеку, в интерпретации данной доктрины Бартом, христологическое основание освящения не только обретает логический и темпоральный приоритет, но и всюду представляется объективным базисом для действия в человеке. Что касается антропологического аспекта освящения, для Барта действительность освящения христианина не просто экзистенциальна, она не что-то, что он думает или чувствует. Это бытие, более того, бытие во Христе. Святой Дух – самостоятельная субъективная действительность Откровения. Его деятельность позволяет совершать переход от Иисуса к конкретному человеку, участвовать в его величии. По сути своей, концепция освящения Барта моноэнергична. Сводя всю деятельность освящения человека к фактам смерти, воскресения и

вознесения Христа, теолог созидает теологическое основание для сотериологического универсализма. Антропология Барта, рассмотренная в контексте его сотериологии, пессимистична. Противопоставляя свою позицию либеральной, мыслитель, к примеру, отстаивает нравственную гетерономию, то есть полную зависимость ценностей от воли Бога.

Если К. Барт подходит к вопросу о цели деятельности Бога в мире, основываясь на традиционных подходах и используя традиционную терминологию предшествующей теологической традиции, то Р. Бульман, базируясь на тех же самых подходах, описывает новое антропологическое измерение, ставшее возможным благодаря деятельности Христа, в категориях экзистенциальной философии, полагая, что речь должна идти об истинном аутентичном существовании. Методическим источником бульмановского понятия историчности *Dasein* является хайдеггеровский *Dasein*-анализ. Но при этом Бульман решительно модифицирует понятия этого анализа в теологическом истолковании. Он исследует онтический текст Откровения, основываясь на понятии историчности, которое из самого же Откровения и выводит. Поэтому философия Хайдеггера уже не может просто формально применяться как метод теологического мышления, поскольку онтические источники их методических вопросов различны. Еще более четкое различие существует между философским и теологическим пониманием собственного существа *Dasein*. Понимание Хайдеггером *Dasein* как «заброшенности» не предполагает «бросающего», а связывает заброшенность с бросанием вот-бытием самого себя. Для Бульмана же собственное существо вот-бытия есть онтически новый образ *Dasein*, верующая экзистенция. Человек, согласно Бульману, может принять или отвергнуть предлагаемый Богом дар веры, он сам ответствен за принимаемые им решения. В анализе историчности *Dasein*, истолковании основных структур его повседневности спрашивается о том, как опыт веры усматривает ее феноменальную данность. Для этого необходимо «новое бытие» в вере, но такое понятие вовсе не встречается в феноменологическом

анализе Хайдеггера. Бульман объединяет философские основания и богословскую интенцию так, что все характеристики, которые определяют верующее Dasein, делаются понятийными только на основании экзистенциального анализа.

Аналитико-философская реконструкция религиозной антропологии Бульмана посредством анализа ее основных экзистенциальных категорий (открытость будущему, надежда, страх, свобода) позволяет обосновывать наличие ряда стадий существования, которые отчасти находятся в иерархической зависимости друг от друга и в тоже время одновременно наличествуют в сознании верующего. Осмысление множества уровней христианской экзистенции – это попытка воссоздать сложную внутреннюю динамику религиозного сознания, какой она представлялась Бульману.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Вороховов, А. В. Доктрина освящения в теологии Карла Барта / А. В. Вороховов // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – Нижний Новгород: Ридо, 2008. – Вып.6. – С. 7-35.
2. Вороховов, А. В. Карл Барт: нормы отношения христианской общины к государству / А. В. Вороховов // Актуальные проблемы философии права и государства: Сб. статей участников научного семинара / под ред. доцента С. П. Гришина. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2009. – С. 63-67.
3. Вороховов, А. В. Концепция теологической аналогии в творчестве Карла Барта / А. В. Вороховов // Человек и языковое пространство: аспекты взаимодействия: Межвузовский сборник. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. – Вып.3. – С. 197-201.
4. Вороховов, А. В. Герменевтический принцип демифологизации в творчестве Рудольфа Бульмана / А. В. Вороховов // Человек и

языковое пространство: аспекты взаимодействия: Межвузовский сборник. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. – Вып.3. – С. 202-207.

5. Вороховов, А. В. К вопросу о влиянии философии М. Хайдеггера на теологию Р. Бульмана / А. В. Вороховов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: Журнал научных публикаций. Международная научно-практическая конференция. – М., 2009. – Том I. – С. 147-149.
6. **Вороховов, А. В. Основные герменевтические принципы теологии Карла Барта / А. В. Вороховов // Вестник МГОУ. №4 Серия «Философские науки». – М.: изд. МГОУ, 2009. – С. 26-31. (0,5 п.л.)**

Подписано в печать 6.10.09. Печать оперативная
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 115

Нижегородский государственный педагогический университет
Полиграфический участок АНО «МУК НГПУ»
603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1